

ОКТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПОВЕСТИ, РОМАНЫ,
РАССКАЗЫ

ДОС-ПАССОС
М. ШОЛОХОВ
ВЛ. ЛУГОВСКОЙ
С. ИСТИСЛАВСКИЙ
Н. УШАКОВ
М. ЭГАРТ

ЖИЗНЬ НА ХОДУ
С. ДИКОВСКИЙ

ПЕРЕЖИТОЕ
ЭЙНАИДА РИХТЕР

ПУБЛИЦИСТИКА
И. БРУХИМОВИЧ

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ
Я. ШВЕДОВ

К Р И Т И К А
М. ЧАРНЫЙ
Б. ВАЛЬБЕ

БИБЛИОГРАФИЯ
И. КУНЦЕВИЧ

К Н И Г А Д Е С Я Т А Я

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1

9

3

2

Гос. Издат-во Художественной Литературы

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1933 ГОД

НАЗВАНИЕ ЖУРНАЛА	Кол. № № в год	Подписная цена на		
		Год	6 мес.	3 мес.
ГИХЛ — Москва				
Красная нить	12	24. —	12. —	6. —
Октябрь	12	24. —	12. —	6. —
Земля советская	12	18. —	9. —	4.50
30 дней	12	12. —	6. —	3. —
Литература мировой революции (на русском языке)	8	12. —	6. —	—
Бюллетень Государственного издательства художественной литературы	12	4.80	2.40	1.20
Роман-газета	12	6. —	3. —	1.50
ЛенГИХЛ				
Звезда	12	24. —	12. —	6. —
Литературный современник	12	21. —	10.50	5.25
Залп	12	12. —	6. —	3. —
Рабочий и театр	36	14.40	7.20	3.60
Литературная учеба	10	8. —	4. —	—

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

повсеместно на почте и письмоносецами, а также магазинами Книгиза

ОКЛЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

К Н И Г А
Д Е С Я Т А Я
О К Т Я Б Р Ъ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1932

ТИХИЙ ДОН

РОМАН

МИХ. ШОЛОХОВ

(Окончание)

Часть шестая

Глава LXVII

Девятнадцатого мая Мишка Кошевой был послан Гумановским — начальником штаба экспедиционной бригады 9 армии — со спешным пакетом в штаб 32 полка, который по имевшимся у Гумановского сведениям находился в хуторе Горбатовском.

В этот же день к вечеру Кошевой приискал в Горбатовский, но штаба 32 полка там не оказалось. Хутор был забит многочисленными подводами обоза второго разряда 23 Мироньевской дивизии. Они шли с Донца под прикрытием двух рот пехоты, направляясь на Усть-Медведицу.

Мишка проблуждал по хутору несколько часов, пытаясь из распросов установить местопребывание штаба, в конце концов один из конных красноармейцев сообщил ему, что вчера штаб 32 находился в хуторе Евлантьевском около станицы Боковской.

Подкормив коня, Мишка ночью приехал в Евлантьевский, однако штаба не было и там. Уже за полночь, возвращаясь на Горбатовский, Кошевой повстречал в степи красноармейский раз'езд.

— Кто едет? — издали окликнули Мишку.

— Свой.

— А ну, шо ты за свий... — нетромяк, простуженным баском сказал, под'езжая, командир раз'езда в белой кубанке и синей сукольной черкессоке. — Якой части?

— Экспедиционной бригады 9 армии.

— Бамажка есть из части?

Мишка предъявил документ. Рассмат-

ривая его при свете месяца, командир раз'езда недоверчиво спрашивал:

— А кто у вас командир бригады?

— Товарищ Лозовский.

— А дэ вона зараз, бригада?

— За Доном. А вы какой части, товарищ? Не тридцать второго полка?

— Ни. Мы тридцать третьей Кубаньской дивизии. Так ты видкиля ж це йдешь?

— С Евлантьевскова.

— А куда?

— На Горбатов.

— Ото ж! Та на Горбатовськом же зараз казаки.

— Не моет быть! — изумился Мишка.

— Я тоби кажу, шо там казаки-востаньци. Мы тикже шо видтыля.

— Как же мне на Бобровский проехать? — растерянно проговорил Мишка.

— А то вже, як знаешь.

Командир раз'езда тронул своего вислозодого вороного коня, от'ехал, но потом полуобернулся на седле, посоветовал:

— Поняй з намы, а то колы б тоби «сэжым башка» не зробыли.

Мишка охотно поистал к раз'езду. Вместе с красноармейцами он в эту же ночь приехал в хутор Коужилин, где находился 294 Таганрогский полк, передал пакет командиру полка и, объяснив ему почему не мог доставить пакет по назначению, испросил разрешения остаться в полку при конной разведке.

33 Кубанская дивизия — недавно сформированная из частей Таманской армии и добровольцев кубанцев — была переброшена из-под Астрахани в рай-

он Воронеж-Лиски. Одна из бригад ее, в состав которой входили Таганрогский, Дербентский и Васильковский полки, была кинута на восстание. Она-то и обрушилась на первую дивизию Мелехова, отбросив ее за Дон. Бригада с боем, форсированным маршем прошла по правобережью Дона с юрта Казанской станицы до первых на западе хуторов Усть-Хоперской станицы, захватила правым флангом чирские хутора и только потом повернула обратно, задержавшись недели на две в Придонье.

Мишка участвовал в бою за овладение станицей Каргинской и ряда чирских хуторов. 27 утром, в степи, за хутором Нижне-Грушинским, командир 3 роты 294 Таганрогского полка, выстроив около дороги красноармейцев, читал только, что полученный приказ. И Мишке Кошевому крепко запомнились слова:

«... Гнезда бесчестных изменников должны быть разорены, Каины должны быть истреблены...» и еще: «... Против помощников Колчака и Деникина, — свинец, сталь и огонь!»

После убийства Штокмана, после того, как до Мишки дошел слух о гибели Ивана Алексеевича и еланских коммунистов, жгучей ненавистью к казакам оделось Мишкино сердце. Он уже не раздумывал, не прислушивался к невнятному голосу жалости, когда в руки ему попадался пленный казак-повстанец. Ни к одному из них с той поры он не отнесился со снисхождением. Голубыми и холодными, как лед, глазами, смотрел на станичника, спрашивал: «Поборолся с советской властью?» — и не дожидаясь ответа, не глядя на мертвое лицо пленного, рубил. Рубил безмалостно! И не только рубил, но и «красного кочета» пускал под копыта козленей в брошенных повстанцами хуторах, а когда, ломая плетни горящих базов на прорубки с ревом выбегали обезумевшие от страха быки и коровы, Мишка в упор расстреливал их из винтовки.

Непримиримую беспощадную войну вел он с казачьей сытостью, с казачьим вероломством, со всем тем нерушимым и косным укладом жизни, который столетиями покоился под крышами осанских куреней. Смертью Штокмана и

Ивана Алексеевича вскормилась ненависть, а слова приказа только с предельной яркостью выразили немые Мишкины чувства... В этот же день он с тремя товарищами выжег дворов полтора ста станицы Каргинской. Где-то на окладе купеческого магазина достал бидон керосина и пошел по площади, зажав в черной ладони коробку спичек, а следом за ним горьким дымом и пламенем занимались ошелеванные пластинами нарядные, крашеные купеческие и поповские дома, курени зажиточных казаков, жилье тех самых, «чьи плутни толкнули на мятеж темную казачью массу».

Конная разведка первая вступала в покинутые противником хутора, а пока подходила пехота. Кошевой уже пускал по ветру самые богатые куреня. Хотел он во что бы то ни стало понасть в Татарский, чтобы отомстить хуторянам за смерть Ивана Алексеевича и еланских коммунистов: выжечь полхутора. Он уже мысленно составил список тех, кого надо сжечь, а на случай, если б его часть пошла с Чира левее Вешенской, — Мишка решил ночью самовольно отлучиться и побывать-таки в родном хуторе. Была и другая причина, понуждавшая его ехать в Татарский.. За последние два года, за время, когда урывками виделся он с Дуняшкой Мелеховой, связало их еще не высказанное словами чувство. Это Дуняшкины смуглые пальцы вышивали ярким гарусом подаренный Мишке кисет, это она, потаясь родных, принесла ему зимой перчатки дымчатого козьего пуха, это некогда принадлежавшую Дуняшке расшитую утирку бережно хранил в грудном кармане солдатской гимнастерки Кошевой. И крохотная утирка, три месяца хранившая в своих складках невнятный, как агамат сена, запах девичьего тела, была ему так несказанно дорога. Когда он наедине с собою доставал утирку, всегда некрошенным приходило волнующее воспоминание: обметанный ином тополь возле колодезя, срывающаяся с сумрачного неба мятелица и твердые дождавшие губы Дуняшки и кристаллический блеск снежинок, тающих на ее вынутых ресницах...

Он тщательно собирался к поездке домой: со стены купеческого дома, в Каргинской содрал цветастый коврик, приспособил его под попону, и попона получилась на диво нарядная, издали радующая глаз ярчайшим разноцветьем красок и узоров. Из казачьего сундука раздостал почти новые шаровары с лампасами, полдюжины бабьих шалек употребил на три смены портянок, бабьи же нитяные перчатки вложил в сакву с тем, чтобы надеть их не сейчас, в серые будни войны, а на бугре перед въездом в Татарский.

Исполон веков велось так, что служивый, въезжающий в хутор, должен быть нарядным. И Мишка, еще не освободившийся от казачьих традиций, даже будучи в Красной армии, собирался свято соблюсти старинный обычай.

Конь под ним был справный, темногнедой и белоноздрый. Прежнего хозяина его — казака Усть-Хоперской станицы — зарубил Кошевой в атаке. Конь был трофеем, им можно было похвалиться: и статью взял, и резвостью, и проходкой, и строевой выправкой.

А вот седло было под Мишкой — так себе седлишко... Подушка потертая и залатаная, заплата полпоука из смятого ремня, стремена в упорно неподдающейся чистке застарелой ожазичке. Такой же скромной, без единого украшения была и уздечка. Что-то требовалось предпринять для того, чтобы починардить хотя бы уздечку. Мишка долго мучился над разрешением этого вопроса и наконец его озарила счастливейшая догадка: около купеческого дома, прямо на площади стояла белая никелевая ковати, вытасченная из горювшего дома купцовыми челядинцами. На углах ковати ослепительно сверкали, отражая солнце, белые шары. Стоило лишь их снять, или отломить, а потом привесить к трензелям, как уздечка обрела бы совершенно иной вид. Мишка так и сделал: он отвинтил с углов коваты полые внутри шары, привесил их на шелковых шнурочках к уздечке, два на кольца удилов, два по сторонам нахваташка, и шары заискрились на голове его коня белым полуденным солнцем. Отражая солнечные лучи, они сияли нестерпимо! Сияли так, что конь ходил против солнца за-

жмуркой, часто спотыкаясь и неуверенно ставя ноги. Но несмотря на то, что зрение коня страдало от блеска шаров, не глядя на то, что конские глаза, пораженные светом — истекали слезами, Мишка не снял с уздечки ни одного шара. А тут вскоре подошло время выступать из полусожженной, провонявшей горелым кирпичом и пеплом станицы Каргинской.

Полку надлежало идти к Дону, в направлении Вешенской. Потому-то Мишке не стоило особых трудов отпроситься у командира разведки на день проведать родных.

Начальник не только разрешил кратковременный отпуск, но сделал большее:

— Женатый? — спросил он у Мишки.

— Нет.

— Шмару имеешь, небось?

— Какую?.. Это што есть такое? — удивился Мишка.

— Ну, полюбовниву!

— А-а-а... Этова нет, любушку имею из честных девок.

— А часы с цепком имеешь?

— Нету, товарищ.

— Эх, ты! — и командир разведки, ставрополец, в прошлом учтенверхсрочник, сам не раз ходивший домой из старой армии в отпуск, знавший на опыте, как горько являться из части голдопанцем, — снял со своей широкой груди часы и невероятно массивную цепку, сказал: «Боец из тебя добрый, на, носи дома, пушай девкам пыли в глаза а меня помяни на третьем взводе Сам молодой был, девок портил, из баб вытяжа делал, знаю... Цепок — нового американского золота. Ежли кто будет пытаться — так и отвечай. А ежли какой настынный попадетс я будет лезть, и пытаться, где проба, — бей того прямо в морду! Есть нахальные прожлячч, их надо без словесности в морду бить. Ко мне бывало в трактире али в публичном месте, а попросту в бардаке поллетит какой-нибудь шелкопер из приказчиков или из писарей и захочет при народе острамотить: «Распустили цепок по лузе, как будто и настоящего золота... А где на ем проба, разрешите знать?». А я ему никогда бывало не дам опомниться: «Проба? Вот она!» — и добро-

душный Мишкин командир сжимал бурый, величиной с младенческую голову кулак, выбрасывал его с свирепой и страшной силой.

Надел Мишка часы, ночью, при свете костра побрился, оседлал коня, поскакал. На заре он в'езжал в Татарский.

Хутор был все тот же: так же поднимала к голубому небу вылинявший позолоченный крест невысокая колоколенка кирпичной церкви, все так же теснили хуторский плац кряжистые поповские и купеческие дома, все тем же родным языком шептал тополь над полуразвалившейся хатенкой Кошевых... Поражало лишь несвойственное хутору великое безмолвие, словно паутиной затянувшее проулки. На улицах не было ни души. У куреней были наглухо закрыты ставни, на дверях кое-где висели замки, но большинство дверей было распахнуто настежь. Слово мор прошел черными стопами по хутору, обезлюдив базы и улицы, пустотой и нежилью наполнив жилые постройки.

Не слышно было ни людского голоса, ни скотиньего мыка, ни светлого крика кочетов. Одни воробьи, словно перед дождем, оживленно чирикали под застрехами сараев и на залежах хвороста-сушника.

Мишка в'ехал к себе на баз. Никто из родных не вышел его встречать. Дверь в сенцы распахнута настежь, возле порога валяются: изорванная красноармейская обмотка, сморщенный и черный от крови бинт, куриные перья и половы, облепленные мухами, уже разложившиеся. Красноармейцы, видимо, несколько дней назад обедали в хате: на полу лежали черепки разбитых корчажек, обглоданные куриные кости, окурки, затоптанные обрывки газет... Задавив тяжелый вздох, Мишка прошел в горенку. Там все было попрежнему, лишь одна половица подпола, где обычно осенью сохранялись арбузы, казалась приподнятой.

Мать Мишки имела обыкновение прятать там от детворы сушеные яблоки. Вспомнив это, Мишка подошел к половице. «Неужели мамаша не ждала меня? Может, она тут чево прихоронила?» — подумал он. И, обнажив шашку,

концом ее подовздел половицу. Скрипнув, она подалась. Из подпола пахло сыростью и гнилью. Мишка стал на колени. Не освоившиеся с темнотой глаза его долго ничего не различали, наконец увидели: на разостланной старенькой скатерти, стояла полбутылка с самогонном, сковорода с заплесневелой яшеницей, наполовину с'еденый мышами кусок хлеба, корчажка, плотно накрытая деревянным кружком... Ждала сына старая. Ждала, как самого дорогого гостя! Любовь и радость дрогнуло Мишкино сердце, когда он спустился в подпол. Ко всем этим предметам, в порядке расставленным на старенькой чистенькой скатертке, несколько дней назад прикасались заботливые материнские руки... Тут же, привешенная к перерубу, белела холщевая сумка. Мишка торопливо снял ее и обнаружил пару своего старого, но искусно залатанного, выстиранного и выкатанного рубелем белья.

Мыши изгадили еду, одно молоко да самогон остались нетронутыми. Мишка выпил самогон, с'ел чудесно находившее в подполье молоко, взял белье, вылез.

Мать вероятно была за Доном. «Убоялась оставаться, да оно и лучше, а то казаки все одно убили бы. И так, небось, за меня трясли ее, как грушу...» — подумал он и помедлив вышел. Отвязал коня, но ехать к Мелеховым не решился: баз их был над самым Доном, а из-за Дона какой-нибудь искусный стрелок мог легко пометить Мишку свинцовой безоболоченной повстанческой пулей. И Мишка решил поехать к Коршуновым, а в сумерках вернуться на плац, и под прикрытием темноты запалить Моховский и остальные купеческие и поповские дома.

По базам прискакал он к просторному коршуновскому подворью, в'ехал в распахнутые ворота, привязал к перилам коня и только что хотел идти в курень, как на крыльцо вышел дед Грицака. Снежно-белая голова его тряслась, выцветшие от старости глаза подслеповато щурились. Неизносный серый казачий мундир с красными петлицами на отворотах замащенного воротника был аккуратно застегнут, но пусто обвислые

шаровары спадали, и дед неотрывно поддерживал их руками.

— Здорово, дед! — Мишка стал около крыльца, помахивая плетью.

Дед Гришака молчал. В суровом взгляде его смешались злоба и отвращение.

— Здорово, говорю! — повысил голос Мишка.

— Слава богу, — неохотно ответил старик.

Он продолжал рассматривать Мишку с неослабевающим злобным вниманием. А тот стоял, непринужденно отставив ногу, играл плетью, хмурился, поджимал девически пухлые губы.

— Ты почему, дед Григорий, не отступил за Дон?

— А ты откель знаешь как меня кличут?

— Тутошний рожак, потому и знаю.

— Это чей же ты будешь?

— Кошевой.

— Акимкин сын? Это какой у нас в работниках жил?

— Его самово...

— Так это ты и есть, сударик? Мишкой тебя нарекли при святом крещении? Хорош! Весь в батю пошел! Энтот бывало за добро норовит говном заплачивать и ты, стало-быть, таковский?

Кошевой стащил с руки перчатку, еще пуще нахмурился:

— Как бы не звали, и какой бы я не был, тебя это не касается. Почему, говорю, за Дон не уехал?

— Не схотел, тово и не уехал. А ты што же это? В анчихристовы слупи подался? Красное звездо на шапку навесил? Это ты, сукин сын, коганец, значит супротив наших казаков? Супротив своих-то хуторных? — дед Гришка неверными шагами сошел с крыльца:

Он, как видно, плохо питался после того, как вся Коршуновская семья уехала за Дон. Оставленный родными, истощенный, по-стариковски неопрятный, стал он против Мишки и с удивлением и гневом смотрел на него.

— Супротив, — отвечал Мишка, — и што не видно концы им наведем!

— А в святом писании што сказано? Аще какой мерой меряете, тою и воздастся вам. Это как?

— Ты мне, дед, голову не морочь святыми писаниями, я не затем сюда

приехал. Зараз же удаляйся из дому! — посуловел Мишка.

— Это как же так?

— А все так же.

— Да ты што это?..

— Да нет ничего! Удаляйся, говорю!..

— Из своих куреней не пойду. Я знаю, што и к чему... Ты — анчихристов слуга, его клеймо у тебя на шапке! Это про вас было сказано у пророка Еремии: аз напитая их полынем и напою желчию и изыдет от них осквернение на всю землю. Вот и подошло, што восстал сын на отца, и брат на брата...

— Ты меня, дед, не путляй! Тут не в братах дело, тут арихметика простая: мой папаша на вас до самой смерти работал и я перед войной вашу пашеницу молотил, молодой живот свой надрывал вашими чувалами с зерном, а зараз подошел срок пожитаться. Выходи из дому, я его зараз запалю! Жили вы в хороших куренях, а зараз поживете так, как мы жили: в саманных хатах. Понятно тебе, старик?

— Во-во! Оно к тому и подошло! В книге пророка Исаии так и сказано: и изыдут, и узря трупы человеков преступивших мне. Червь бо их не скончается, и огонь их не угаснет, и будут в позор всяческий плоти...

— Ну, мне тут с тобой свататься некогда! — с холодным бешенством сказал Мишка, — из дому выходишь?

— Нет! Изыди, супостатина!

— Самое через вас таких закоснелых и война идет! Вы самое и народ мутите, супротив революции направляете... — Мишка торопливо начал снимать кабин...

После выстрела дед Гришака упал навзничь, внятно сказал:

— Яко... не своею си благодатию... но волею бога нашего приидох... Господи, прими раба твоего... с миром... — и захрипел, под белым усами его высочилась кроввица.

— Примет! Давно бы тебя, чорта старова, надо туда опровадить! — Мишка брезгливо обошел протянувшегося возле сходцев старика, взбежал на крыльцо.

Сухие стружки, занесенные в сени ветром, вспыхнули розоватым пламенем, досчатая переборка, отделявшая кладовую от сеней, загорелась быстро. Дым

поднялся до потолка и — схваченный сквозняком — хлынул в комнаты.

Кошевой вышел и пока поджег сарай и амбар, — огонь в курене уже выбил ся наружу, с шорохом ненасытно лизал основные наличники окон, рукасто тянулся к крыше....

До сумерок Мишка спал в соседней леваде под тенью оплетенных диким хмелем терновых кустов. Тут же, лениво срывая сочные стебли аржанца, пасся его расседланный и стреноженный конь. На вечер, конь, одолеваемый жаждой, заржал, разбудил хозяина.

Мишка всгал, увязал в торока шинель, напоил коня тут же в леваде колодезной водой, а потом оседлал, выехал на проулок.

На выгоревшем каршуновском подворье еще дымились черные обугленные сохи, разползлся горчайший дымок. От просторного куреня остался лишь высокий каменный фундамент да полуразвалившаяся печь, подымавшая к небу закопченную трубу.

Кошевой направился прямо к мелеховскому базу.

Ильинична под сараем насыпала в завеску поджожи, когда Мишка, не слезая с седла, открыл калитку, в'ехал на баз.

— Здравствуйте, тетенька! — ласково приветствовал он старуху.

А та, перепугавшись, и слова не молвила в ответ, опустила руки, из завески посыпались щепки...

— Здорово живете, тетенька!

— Слава... слава богу, — нерешительно ответила Ильинична.

— Живая-здоровая?

— Живая, а уж про здоровье не спрашивай.

— Где же ваши казаки? — Мишка спешил, подошел к сараю.

— За Доном...

— Кадетов дожидаются?

— Мое дело бабье... Я в этих делах не знаю...

— А Евдокея Пантелевна дома?

— И она за Доном.

— Понесла их туда нелегкая! — голос Мишки дрогнул, окреп в лобе. — Я вам, тетенька, так скажу: Григорий — ваш сынок — самый лютой для советской власти оказался враг. Перейдем мы на

эту сторону и ему первому шворку на шею наденем, а Пантелей Широкофич за напрасну уоег. Старый и хромой человек, ему бы вся статья дома сидеть...

— Смерти дожидаться? — сурово спросила Ильинична и опять стала собираться в завеску щепки.

— Ну, до смерти ему далеко. Плетюганов бы, может, заработал трошки; а уоивать ево бы не стали. Но я, конечно, не затем к вам заехал. — Мишка поправил на груди часовую цепку, потупился. — Я затем заехал, чтобы проведать Евдокею Пантелевну. Жалко мне страшно, што она тоже в отступе, но я и вам, тетенька, как вы ее родная мамаша, скажу. А скажу я так: я об ней давно страдаю, но зараз нам дюже некогда по девкам страдать, мы воюем с контрой и побиваем ее беспощадно. А как только вовзят прикончим ее, установится мирная советская власть по всему свету, тогда я, тетенька, буду к вам сватов засылать за вашу Евдокею.

— Не время об этом гутарить!

— Нет время! — Мишка нахмурился, упрямая складка легла у него промеж бровей, — Свататься не время, а гутарить об этом можно. И мне другую время для этова не выбирать. Нынче я тут, а завтра меня, может, за Донец пошлют. Поэтому я вам делаю упреждению: Евдокею дуриком ни за ково не отдавайте, а то вам плохо будет. Уж ежели из моей части придет письмо, што я убитый, — тогда просватывайте, а зараз нельзя, потому што промеж нас с ней — любовь. Гостинцу я ей не привез, негде его взять гостинца-то, а ежели вам што из буржуйскова, купецкова имения надо, говорите, — зараз пойду и приволоку.

— Упаси бог! Сроду чужим не пользовались!

— Ну, это как хотите. Поклон от меня низкий передайте Евдокеи Пантелевне, ежели вы вперед меня ее увидите, а затем прощевайте, и пожалуйста, тетенька, не забудьте моих слов.

Ильинична, не отвечая, пошла в хату, а Мишка сел на коня, поехал к хуторскому плацу.

На ночь в хутор сошли с горы красноармейцы. Оживленные голоса их звучали по проулкам. Трое, направлявшиеся с ручным пулеметом в заставу к Дону,

спросили Мишку, проверили документы. Против хатенки Семена Чугуна встретил еще четырех. Двое из них везли на фурманке овес, а двое — вместе с чахоточной жененкой Чугуна — несли ножную швейную машину и мешок с мукой.

Чугуниха угадала Мишку, поздоровалась.

— Чево это ты тянешь, тетка? — поинтересовался Мишка.

— А это мы женщину бедняцкого класса на хозяйство ставим: несем ей буржуйскую машину и муку, — бойкой скороговоркой ответил один из красноармейцев.

Мишка зажег подряд семь домов, при-

надлежавших отступившим за Донец купцам Мохову и Атепину — Цаце, поппу Виссариону, благочинному о. Панкратию и еще трем зажиточным казакам, и только тогда тронулся из хутора.

Выехал на бугор, повернул коня: внизу, в Татарском, на фоне аспидно-черного неба искристым лисьим хвостом распушилось рыжее пламя. Огонь то вздымался так, что отблески его мерещили текучую быстринку Дона, то ниспадал, клонился на запад, с жадностью пожирая строения.

С востока набегал легкий степной ветерок. Он раздувал пламя и далеко нес с пожараща черные, углисто свержающие хлопья.

Конец третьей книги.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА РОМАНА
„ТИХИЙ ДОН“
ПЕЧАТАТЬСЯ В 1933 Г. Д.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ДОС-ПАССОС—Американские портреты. <i>Из романа „1919“</i>	3
М. ШОЛОХОВ—Тихий Дон (окончание). <i>Роман</i>	25
Вл. ЛУГОВСКОЙ—Девушка. Певец. <i>Стихи</i>	32
С. МСТИСЛАВСКИЙ—Партионцы (продолжение). <i>Роман</i>	34
Н. УШАКОВ—А мир творился. <i>Стихи</i>	74
М. ЭГАРТ—Опаленная земля (продолжение). <i>Роман</i>	75

ЖИЗНЬ НА ХОДУ

С. ДИКОВСКИЙ—Застава	121
--------------------------------	-----

ПЕРЕЖИТОЕ

ЗИНАИДА РИХТЕР—Поход ОСЕВЭК'а (продолжение)	127
---	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

И. ЕРУХИМОВИЧ—Два варианта англо-американской войны	154
---	-----

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ

Я. ШВЕДОВ—Записки из дневника, которого нет	164
---	-----

КРИТИКА

М. ЧАРНЫЙ—Л. Толстой, его критики и комментаторы	169
Б. ВАЛЬБЕ—Поэт народных низов (Пьер Жан Беранже)	181

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. КУНЦЕВИЧ—Новиков-Прибой. „Цусима“	189
--	-----

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ЛЕНГИХЛ)

С ЯНВАРЯ 1933 г. НАЧНЕТ ВЫХОДИТЬ (ВМЕСТЕ С ЛЕНИНГРАДСКИМ) НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕНИК

под редакцией З. Б. Лозанского (отв. редактор), Н. С. Брауна, Мих. Козакса, Ал. Прокофьева, Н. Свирина и Юр. Тынянова.

„ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕНИК“, журнал Союза советских писателей, будет выходить при участии лучших советских писателей, как уже хорошо известных читателей, так и молодых талантливых авторов, работу с которыми журнал считает своей особой задачей.

„ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕНИК“ рассчитан на широкий актив рабочих и колхозных читателей, на партийный и комсомольский актив и на самые широкие слои советской интеллигенции и учащихся вузов и вузов.

Высокое качество литературного материала — вот то стремится дать своим читателям журнал „ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕНИК“ в осуществление сторического постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций.

„ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕНИК“ будет давать материал, широко освещающий

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Ленинград, пр. 25 Октября, 8, „Дом книги“, Лен. ГИХЛ. П. дню: 21 р. в — год: 10 р. 50 к. — на 6 мес., 5 р. 25 к. — на 3 мес. Под не а принимается повсеместно на почте и письменнощами, а также магаз. Когиза.

социалистическое строительство в СССР, считая своей особой задачей освещение жизни нового, социалистического Ленинграда.

„ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕНИК“ будет печатать прозу, стихи и интересные мемуары, статьи, очерки и фельетоны, посвященные всему важнейшему и новому в различных областях науки и техники, статьи по вопросам театра, живописи, музыки и кино. В каждом номере журнала будет даваться обширная хроника искусства и литературы СССР и Запада, освещаться жизнь народов в Советском Союзе и в странах капитализма.

В журнале широко будет поставлен отдел критики и библиографии, отделы „Беседы в редакции“, „Переписка с читателем“, а также сатиры.

Каждый номер „ЛИТЕРАТУРНОГО СОВРЕМЕНИКА“ содержит в себе 160 стр. текста, частично иллюстрированного.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ

№ 10 — 11 ЖУРНАЛА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ПРОЗА И СТИХИ:

- С. КИРСАНОВ — Карл Маркс, поэма.
- Н. ОГНЕВ — Конец романа (2-я книга романа „Три и м р н и и Калерии Липской“), окончание.
- В. ГУСЕВ — Пулеметчик Ораз Гельдыев, стихи.
- В. БРЕДЕЛЬ — Парграф в защиту ответственности, перевод Д. Уманского, роман.
- Эжен ПОТЪЕ — Кризис, перевод с французского А. Гатова, ст. х.
- К. ГОБУНОВ — Авдей Дыбин, пьеса.
- Б. ГЛЕБОВ — Путиловский бронепоезд, стихи.
- А. ГИДАШ — Мы вас известим, рассказ.
- Е. ДОЛМАТОВСКИЙ — Крылья, стихи.
- О. БОБРИНСКИЙ — В коммуны, стихи.

ПУБЛИЦИСТИКА:

- Итоги сентябрьского пленума ЦК ВКП(б).
- М. ТЕТЕРИН — Великая годовщина.
- М. ЦЕНЦИПЕР — О чем не могла мечтать царская Россия.

ПЕРЕЖИТОЕ:

- А. КИСЕЛЕВ — На пути к мировому Октябрю.
- Н. ПЕСТОВ КИЙ — Октябрьское восстание в Ленинграде.
- ЗА РУБЕЖОМ:
- И. ЭЛЬВИН — Дети в капиталистических странах.
- М. ДНЕПРОВА — Гамбург без работы.
- ЛИТЕРАТУРА:
- И. ГРУЗДЕВ — Великий пример.
- А. СЕЛИЗАНОВСКИЙ — Перед новой ступенью.

ИСКУССТВО:

- О ЛИТОВСКИЙ — Егор Булычев и др.
- Ю. ЮЗОВСКИЙ — Два варианта Островского на советской сцене.

НАУКА И ТЕХНИКА:

- Н. БОБРОВ — Локорьяем стихию.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- А. КАЗАРИН — Н. Терентьев — „Борьба за Тихий океан“, Л. Иванов — Военно-морские силы империалистических держав на Тихом океане.